

УДК 902/904(476.4)"631/634"

КАМЕННЫЙ ВЕК МОГИЛЕВСКОГО ПОСОЖЬЯ В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ

Колосов А. В.

Учреждение образования «Могилевский государственный университет
им. А.А. Кулешова»
(г. Могилев, Беларусь)

Аннотация. В статье подведены итоги новейших исследований по каменному веку Могилевского Посожья. Обзорно рассмотрены материалы культур финального палеолита, мезолита и неолита.

Ключевые слова: каменный век, Могилевское Посожье, финальный палеолит, мезолит, неолит.

Summary. In this article the latest researches of a Stone Age in the territory of the Sozh River basin in Mogilev region are summarized. It contains a review of the materials from the final Palaeolithic Age, Mesolithic Age, Neolithic Age.

Key words: Stone Age, Mogilev Sozh River basin, final Palaeolithic Age, Mesolithic Age, Neolithic Age.

Еще недавно представления о каменном веке Могилевского Посожья ограничивались данными о двух-трех культурах. При этом независимо от состояния источников для их обоснования привлекались материалы одних и тех же памятников, которые демонстрировали преемственность традиций, а на определенном историческом этапе – их синтез, по мнению исследований, вел к появлению локальных культурных явлений [3; 4; 6; 8; 9]. Процесс эйкуменизации территории региона относился к периоду постплейстоценовой адаптации, причем, как полагали отдельные авторы [3; 4; 6], не с самого ее начала.

Ревизия существующей базы источников в начале 2000-х гг. показала несостоятельность отдельных положений, касавшихся возраста некоторых памятников, их культурной принадлежности, идеи аккультурации традиций в рамках выделенных ранее локальных культур [5]. Сложившиеся представления о мезолите и неолите региона входили в противоречие с новыми данными, полученными автором и его коллегами на современном этапе исследований (2004–2015 гг.). Изучение коллекций памятников, сравнение их с материалами сопредельных территорий позволило выделить в каменном веке Могилевского Посожья несколько культурных явлений и признать очевидным факт появления здесь человека в позднеледниковое время.

Финальный палеолит. В настоящее время в регионе известно около 40 местонахождений финального палеолита. На данном источниковедческом этапе можно говорить о присутствии в Посожье не менее трех культурных явлений. К первой культуре мы отнесли технокомплексы с листовидными и черешковыми наконечниками стрел. На отдельных из них обнаружена

характерная черешковая форма наконечника стрелы, напоминающая тип бромме–лингби. В Посожье – это стоянки Вознесенск-1 (Муравец-1), Клёнки-5 (Ильич), Первокричевский-3, Чемерня. (На Днепре они встречены в Берестеново, Дальнем Лядо-3, Коромке, Хвойной [см.: 6; 9].)

Находкам черешковых наконечников стрел сопутствуют и другие типы орудий. Они изготовлены на пластинчатых и отщеповых заготовках, имеют соответствующие морфологические признаки, типичные для техники прямого твердого удара (концевые и двойные скребки, ретушные и двугранные резцы, угловые и симметричные проколки, острия, пластины со скошенным ретушью концом, пластины с ретушированным дистальным концом, изделия с выемкой, рубящие орудия с оформленным перехватом). Учитывая механическую смешанность коллекций и тот факт, что типы таких орудий встречаются практически повсеместно на протяжении всего каменного века, связать их с конкретным культурным явлением крайне сложно.

Находки наконечников типа бромме–лингби на стоянках финального палеолита Восточной Беларуси являются предметом широких научных дискуссий и расцениваются то как результат инвазии культурных традиций, то пример конвергентного (автохтонного) пути развития. Это, в свою очередь, осложняло и до сих пор осложняет идентификацию памятников, которые связывают то с мигрировавшей в Верхнее Поднепровье культурой бромме–лингби [2; 9; 11], то с гренской культурой, возникшей в результате эволюции местных (мезинских, мадленских) традиций позднего палеолита северо-запада Восточной Европы [3; 4; 6; 7; 10].

Еще одна группа памятников финального палеолита связана со свидерской культурой. Сегодня нет оснований считать объективным обоснованный ранее тезис о малочисленности свидерских стоянок на востоке Беларуси и полном отсутствии их в бассейне р. Сож [8; 9]. Новые данные говорят об обратном [5, с. 23]. Только на территории Могилевского Посожья свидерские материалы удалось обнаружить в 12 пунктах – Александровка 2 (Толкачёвка), Борисовичи-3, Волчас, Глушнево-2, Горки-2, Дубно-9, Криничная (Горки-3), Папоротки-1, Папоротки-9, Первокричевский-3, Рудня-1, Старые Вихряны-2. Наиболее выразительные коллекции получены на стоянках Горки-2 (раскопки В.Ф. Копытина) [6, с. 49–54] и Первокричевский-3. На последнем памятнике выделено четыре локализации обработанного кремня, на трех из них найдены свидерские материалы [5, с. 90–92].

К финальному палеолиту – раннему мезолиту относятся стоянки гренской культуры. На территории Могилевского Посожья они зафиксированы в 9 пунктах (Витунь-4, Витунь-5А, Горки-2, Гронов-1, Журавель, Первокричевский-3, Печенеж (Гайковка), Поклады-2, Рудня-5). Аналогии им можно встретить среди раннеголоценовых комплексов иеневской и песочноровской культур – ассиметрично-черешковые наконечники с боковой выемкой, трапеции.

Присутствие в Посожье геометрических микролитов иеневско–песочноровского типа позволяет поставить вопрос о локальных различиях между гренской культурой Верхнего Поднепровья, с одной стороны, песочноровской

культурой Деснинского бассейна – с другой, иеневской Волго-Окского междуречья – с третьей. На наш взгляд, разговор должен вестись не столько о каком-либо новом культурном явлении, характеризующем мезолит определенного региона (Днепровского, Деснинского, Волго-Окского), а сколько об очевидных технологических новациях в среде гренско–иеневско–песочноровского культурного единства. Этот факт косвенно подтверждают и радиоуглеродные даты, полученные для стоянки гренской культуры Поклады-2 – 9500 ± 50 РВ ($9130\text{--}8630$ cal BC) (Poz-98442) и 9450 ± 50 РВ ($9150\text{--}8600$ cal BC) (Poz-101786).

Мезолит. Постледниковый период заселения территории Могилевского Посожья связан с памятниками пуллийской традиции (пребореал – начало бореала), которые характеризуют ранний этап бутовской (задне-пилевской) и кундской культур, известных на территории Беларуси. Для этой традиции характерны высокие индексы пластинчатости, использование отжимной техники, направленной на получение регулярных пластин как основного типа заготовки для производства орудий – в первую очередь, вкладышевых изделий, резцов и черешковых наконечников стрел. На территории Беларуси индустрии пуллийского типа зафиксированы на стоянках Западного Подвинья – Замошье и Крумплево [9]. На востоке страны ее ярким проявлением является стоянка Дедня, для которой получена серия радиоуглеродных дат в диапазоне от 9100 до 8500 cal BC, а более узко – примерно 8800–8600 cal BC.

В настоящее время материалы этой культурной традиции обнаружены в 34 пунктах. В Могилевской области это стоянки Борисовичи-3, Горки-2, Гронов-2 (Стров), Дубно-6, Дубно-9, Криничная (Горки-3), Коробчино, Папоротки-1, Папортоки-15, Рудня-1, Устье-2. Отдельные памятники изучены на малых реках. Это стоянки Дедня, Каменка-1, Робцы-1 в бассейне р. Проня и ее притока – р. Бася (стоянка Слободка (Коровчинская Слободка), Коробчино на р. Вихра. Среди новых пунктов, изученных в 2010–2014 гг., следует указать Витунь-5А и Витунь-5Б на р. Беседь, Старые Вихряны-1 на р. Сож и Чериков-2 на р. Удога (правый приток Сожа).

Стоянки приурочены к краю первой надпойменной террасы высотой 2–5 м над уровнем поймы, что несколько отличает от топографии бутовских памятников в Гомельском Полесье: здесь они часто встречаются либо на останцах береговой террасы, либо на песчаных пойменных всхолмлениях. Единственный памятник в Могилевском Посожье, материалы которого встречены на дюне – стоянка Гронов-2 (Стров).

Специфика изученных памятников в Посожье определяется не только типологическим составом кремневого инвентаря, но и характером принесенного извне сырья, которое визуально отличается от сожского мелового кремня. Благодаря изучению той же стоянки Дедни стало возможным обратить внимание на импорты сырья, присутствующего на других посожских стоянках. В частности, находки из темно-серого полупрозрачного кремня, аналогичные тем, что были собраны в Дедне, обнаружены еще на ряде пунктов – Коробчино, Криничная, Папортоки-15, Пролетарский-1, Робцы-1, Слободка (Коровчинская Слободка), Старые Вихряны-1.

Появление памятников типа Пулли в Посожье подтверждает, на наш взгляд, мнение А.Н. Сорокина [11, с. 166–168] относительно миграций населения, охватывавших в начале голоцена Волго-Окское междуречье на востоке и Восточную Прибалтику на западе. Следовательно, бассейн р. Сож был включен в так называемый «миграционный коридор» между этими двумя крупными регионами. Поскольку материалы кундской и бутовской культур не исключают возможности рассмотрения их в едином генетическом поле [1; 11], становится ясным, что представление о них (в том числе их названия) формировались на этапе обобщения накопленного материала исследователями, работавшими на разных территориях. Следовательно, существующий взгляд на генезис и хронологию кундской и бутовской культур, понятие о технике первичной и вторичной обработки, наборе орудий требуют приведение всех имеющихся источников к общему знаменателю.

Сегодня сложно что-либо сказать о позднем мезолите Могилевского Посожья. Материалы, демонстрировавшие прежде синкретизм традиций в рамках сожской и днепро-деснинской культур, не выдерживают критики. Эталонные памятники этих культур, в числе которых оказались некоторые стоянки рассматриваемого региона (Горки, Журавель), фиксируют не прямые контакты первобытного населения, а результат механической смешанности находок.

Возможно, решить проблему с поздним мезолитом позволит дальнейшее изучение памятников, подобных стоянке Хотовиж-1 (Климовичский район), где нами был обнаружен комплекс, имеющий определенные аналогии с яниславицкой культурой (острия с микрорезцовыми сколами), а также материалы стоянки Устье-2, исследованной нами в 2005–2007 гг. Анализ кремневого инвентаря этого памятника позволил выделить нам несколько эпизодов посещения его территории. Ранний и основной комплекс кремневых изделий был датирован мезолитическим временем. В 2016 г. по образцу из заполнения очага получена радиоуглеродная дата – 7830 ± 330 BP ($7600-6000$ cal BC) (IGS-1700), что соответствует концу бореального – началу атлантического периодов.

Неолит. На территории Могилевского Посожья известно около 130 стоянок эпохи неолита. В отличие от финального палеолита и мезолита в неолите рассматриваемого региона наблюдается заметное различие в топографии поселений. Кроме боровых террас и их останцев, неолитическим населением осваивались пойменные песчаные всхолмления – дюны, гривы, прирусловые валы вблизи русла реки или старичного озера. Высота памятников над меженным уровнем водоемов составляет 2–5 м.

Индикаторами неолитического возраста стоянок выступает керамика и отдельные типы орудий труда. В первом случае речь идет о фрагментах лепных сосудов с острым дном, украшенных преимущественно оттисками гребенки, образующими горизонтальные пояса из вертикальных и косых наколов, елочных композиций; вдавлениями ямок, нанесенных концом или краем орнамента округлого, овального и треугольного сечения; «лапчатыми» и семечковидными наколами. Встречаются также оттиски ямок овальной формы, нанесенные орнаментом с поперечной перемычкой (Старый Дедин-4, Славгород-21).

Наиболее типичными для неолитической керамики являются композиции, сочетающие ямки и оттиски гребенчатого штампа. Под венчиком сосуда обязательно наносился ряд глубоких ямок, оставлявших на внутренней поверхности негативы. Иногда ямочные вдавлениями могли насквозь проколоть венчик сосуда. Далее шли пояса из оттисков гребенки в виде косых вертикальных линий или «елочки». При этом гребенчатые мотивы прослеживаются по краю венчика и иногда заходят на его внутреннюю сторону (Старый Дедин-4). Край венчиков отдельных сосудов мог слегка сминаться пальцевыми зажимами, что придавало ему гофрированный вид (Славгород-21).

В тесте керамики присутствуют примеси растительных остатков, песка и дресвы. Внутри поверхность горшков сохраняет следы от расчесов гребенки. На некоторых стоянках (Чёрное-1, Славгород-21) гребнем была выровнена и внешняя поверхность сосудов.

Кремневый инвентарь неолитических стоянок характеризуют: одно- и двухплощадочные нуклеусы с системой монофронтального и кругового снятия отщепов и пластин, вогнутой и ретушированной ударной площадкой; орудия, форма которых задана путем двухсторонней обработки (треугольные, ромбовидные, листовидные наконечниками стрел, дротиков и копий, топоры, тесла, долота, режущие изделия, вкладыши). В качестве заготовок для орудий широко использовались отщепы, осколки кремня. Для отдельных орудий использовались сработанные нуклеусы и конкреции кремня. Возможно, с неолитическим контекстом связаны находки предметов из кварцита.

Из отщеповых заготовок делали скребки, резцы, изделия с выемкой, острия, проколки, развертки, сверла. По сравнению с другими типами орудий скребки на стоянках неолита Могилевского Посожья численно преобладают. Крупные сколы, конкреции, нуклеусы часто служили заготовками для производства рубящих орудий – топоров, долот, тесел, а также скребловидных изделий. На лезвиях отдельных топоров и тесел появляется пришлифовка (Старый Дедин-4, Славгород-21). Пластины служили заготовками для ножей. Из них также сделаны отдельные типы острий и проколов. Предметы вооружения представлены наконечниками стрел, дротиков и копий листовидной, треугольной и ромбовидной форм, заданных путем двухсторонней обработки. На стоянке Старый Дедин-4 обнаружены находки фигурного кремня.

Все изученные нами памятники неолита отнесены к верхнеднепровской культуре на поздних этапах ее развития. Вместе с тем результаты изучения керамических материалов стоянок неолита Могилевского Поднепровья, полученные в последнее время М.И. Ткачёвой, демонстрируют проявление различных культурных импульсов и влияний.

В коллекции того же Старого Дедина-4 М.И. Ткачёва выделяет три группы керамики [12, с. 109–110], ранняя из которых представлена слабопрофилированными сосудами с вытянутым туловом и обилием растительных примесей и связывается с влияниями днепро-донецкой культуры. Основным элементом орнамента здесь – оттиски гребенки, образующие горизонтальные пояса из прямых или косопоставленных наколов, которые

покрывают всю поверхность сосудов. Глубокими наколами гребенки или пучком травы выровнена внутренняя поверхность горшков. Следует отметить, что керамика данного типа присутствует в подъемном материале стоянки Хотовиж-2, расположенной на дюнном всхолмлении в пойме левого берега р. Остёр, удаленной от Старого Дедина вниз по течению реки на 7 км.

Еще одна группа керамики, аналогии которым М.И. Ткачёва ищет в деснинском неолите, представлена сосудами со слабо отогнутым венчиком или горшками закрытых форм. Тесто керамики имеет примеси растительности и дресвы, внутренняя поверхность сохраняет расчесы гребня. Основным элементом декора керамики – отиски гребенки из прямых, выгнутых наколов, наколов в виде «лапки», образующие горизонтальные, вертикальные и диагональные пояса, композиции в виде «елочки».

Наконец, последнюю группу, по данным М.И. Ткачёвой, образует керамика позднего этапа верхнеднепровской культуры. Она украшена горизонтальными поясами из отисков прямой или выгнутой гребенки, сочетающихся с ямочными вдавлениями круглой или прямоугольной формы. Керамика соответствует сосудам со слабоотогнутым венчиком, имеющим в тесте незначительные примеси дресвы.

Таким образом, неолит Могилевского Посожья не ограничивается сегодня понятием только об одной верхнеднепровской культуре и представлен несколькими культурными традициями. На стоянке Гронов-3 (ур. Курганье) М.И. Ткачёвой также обнаружены примеры влияния культуры ямочно-гребенчатой керамики, проникшей в Посожье из междуречья Волги и Оки, а также среднеднепровской культуры эпохи бронзы [12].

В заключении определим ряд важных моментов, которые, на наш взгляд, определяют перспективы дальнейших исследований каменного века в Могилевском Посожье. Одним из актуальных направлений может стать изучение сырьевых ресурсов, их использование в каменном веке. Разработка данной темы позволит проследить миграции древнего населения, основные пути обмена, хозяйственные стратегии охотников поздне- и постледникового времени, в методологическом плане – уточнить типологию и специфику памятников каменного века Восточной Беларуси, расположенных возле или вне источников сырья.

Структуры обитания человека в каменном веке определяют еще одну тему научных исследований. В ее основе должна лежать систематизация и сравнительный анализ по объектам хозяйственно-бытового назначения (жилища, жилые площадки, очаги, ямы и др.), обнаруженных на стоянках Могилевского Посожья за весь период изучения. Итогом работы станет подготовка базы данных по структурам обитания, дифференциация материалов, разработка критериев изучения поселенческой структуры памятников.

В процессе работ мы обратили внимание на разницу в топографии стоянок. Отдельные из них демонстрируют очевидное культурное единство. Понять причины топографического разнообразия памятников, на которое, безусловно, накладывались природно-климатические условия, социальная и

хозяйственная структура проживавшей группы людей, существовавшие традиции и т.д., актуализирует проведение исследований междисциплинарного характера, направленных на реконструкцию систем адаптации в древности.

Литература:

1. Абухоўскі, В. С. Да пытання аб старажытнейшым насельніцтве Беларускага Падзвіння / В. С. Абухоўскі // Актуальныя праблемы из исторического прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социо-религиоведческих науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья: материалы международной научно-теоретической конференции, Витебск, 19–20 апреля 2007 г.; редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: УО «ВГУ им. П. М. Машерова». – Ч. 1. – С. 13–15.
2. Залізняк, Л. Л. Фінальнiй палеоліт і мезоліт континентальної України. Культурний поділ та періодизація / Л. Л. Залізняк // Кам'яна доба України. – Київ: Шлях, 2005. – Вип. 8. – 184 с.
3. Калечиц, Е. Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии / Е. Г. Калечиц. – Минск: Наука и техника, 1987. – 158 с.
4. Калечиц, Е. Г. Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век / Е. Г. Калечиц. – Минск: Экоперспектива, 2003. – 223 с.
5. Колосов, А. В. Финальный палеолит и мезолит Посожья / А. В. Колосов. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2015. – 176 с.; ил.
6. Копытин, В. Ф. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья / В. Ф. Копытин. – Могилев: Могил. обл. укрупнен. типография, 1992. – 86 с.
7. Копытин, В. Ф. У истоков гренской культуры. Боровка / В. Ф. Копытин. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2000. – 143 с.
8. Ксензов, В. П. Финальный палеолит и мезолит Поднепровья Беларуси / В. П. Ксензов // Российская археология. – 1997. – № 1. – С. 5–20.
9. Ксензов, В. П. Мезолит Северной и Центральной Беларуси. – Минск: ИИ НАНБ, 2006 – 158 с. (Матэрыялы па археалогіі Беларусі; вып. 13).
10. Синицына, Г. В. О миграциях и автохтонном развитии культур финального палеолита на северо-западе Русской равнины / Г. В. Синицына // Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы): сборник научных статей. – СПб.: ЭлекСис, 2013. – С. 152–181.
11. Сорокин, А. Н. На переломе эпох / А. Н. Сорокин, С. В. Ошибкина, А. В. Трусов. – М.: Гриф и К, 2009. – 387 с.
12. Ткачёва, М. И. Керамический комплекс эпохи неолита памятника Старый Дедин 4 / М. И. Ткачёва // Актуальная археология 3. Новые интерпретации археологических данных: тезисы международной научной конференции молодых ученых, Санкт-Петербург, 25–28 апреля 2016 г. – СПб.: ИИМК РАН, 2016. – С. 108–110.